

ОЖИВАННИЕ СКЕЛЕТОВ

повесть из романа
«Ожившие по ошибке»

Ара Богданян

Оживание Скелетов

«Автор»

2026

Богданян А.

Оживание Скелетов / А. Богданян — «Автор», 2026

Четыре скелета-робота неожиданно обнаруживают в себе то, чего не должно быть ни в одной программе, — чувства. Они хотят дружить, хотят быть своими среди школьников и постепенно начинают понимать, что способны самостоятельно выбирать, кем им быть. Но школа встречает их насмешками и отчуждением, а старая программа Иваныча не собирается так просто отпускать своих подопечных. Примечание. Повесть не является самостоятельным произведением, а является частью романа "Ожившие по ошибке".

© Богданян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ара Богданян

Оживание Скелетов

Повесть

1. Эхо гадкого утёнка

Четверо Скелетов выстроились посреди школьного двора – со стороны это выглядело так, будто они на парадном построении, – их металлические тела держали гордую, безупречную осанку: как и прежде, они прямые и изящные; и они снова, неотрывно, изучали окружающий мир. Но сегодня их костяные лица устремились куда-то вдаль, за пределы двора, будто они пытались объять своими взглядами всю Москву, впитать её дух, и уловить невидимые ритмы огромного города.

– Прав был Арно Арутюнович: это лучший город Земли! – торжественно произнесла Скелет-Татьяна; её голос прозвучал будто глас древнего оратора.

В её электронных глубинах мгновенно ожила целая эпоха: не только мелодия легендарной песни, но и вся палитра историй, связанных с ней; и волна воспоминаний прокатилась по её базе данных.

– Москва майская. – произнёс Скелет-Георгий, словно катаясь в огромной истории. – Цветущая, молодая, радостная ...

И в этот миг, когда Скелет-Георгий заканчивал фразу, случилась неожиданность: Скелет-Юлия, нарушив безупречный порядок, уронила Черепаху-Скелета. Звук удара – холодный, металлический – разорвал тишину. Удар прозвучал как раскат далёкой молнии. Трое товарищей молниеносно обернулись; их пустые глазницы словно застыли в немом вопросе.

Металлическая Черепаха конечно же уцелела, но вибрация от падения эхом пробежала по корпусу Юлии. Её металлическое тело содрогнулось несколько раз, прежде чем она наклонилась, чтобы поднять маленькую спутницу. Движения Юлии потеряли привычную плавность; она принялась внимательно осматривать Черепаху, стала методично проверять каждый сегмент, выискивая даже малюсенькую трещину, которой быть не могло.

Скелеты – Татьяна, Георгий и Дмитрий – продолжали держать молчание, и застыли в ожидании; три вопросительных черепа беззвучно требовали объяснений. Что случилось с рукой Юлии?

– Никаких трещин, – наконец произнесла Юлия.

Но молчание не рассеивалось; трое товарищей продолжали смотреть на неё. И Юлия, не в силах выдержать этот немой допрос, уткнулась взглядом в Черепаху. Затем, словно ища спасения в разговоре, она тихо произнесла, почти шёпотом:

– Ганс Андерсен Как же его обожали в СССР.

Трое Скелетов мгновенно прошлись по великой сказке в своих базах. Потом, первым отозвался Скелет-Георгий, и его слова повисли в воздухе, будто не заданный вопрос, будто вызов:

– Его сказки весь мир обожает!

После паузы, Скелет-Юлия выдавила слова так, словно они причиняют ей боль:

– «Гадкий утёнок», это невероятная вещь ...

Она продолжала вертеть Черепаху в руках, крутила её, заново изучала каждую деталь, избегая встречи взглядом с товарищами.

И снова тишина повисла над двором, тяжёлая и вязкая; и Скелеты молча стояли, и никто из них не решался продолжить разговор. А затем, послышался вдруг резкий, отрывистый

стук! Скелеты одновременно повернули головы, их металлические шеи издали лёгкий скрежет. Никого! Лишь пустой двор, шелест листьев, и отдалённый шум из школы.

И только в последний миг Скелет-Юлия заметила мелькнувшую тень. Младшеклассник! Он стремительно мчался прочь, максимально быстро перебирая ножками, скрываясь за густыми ветвями деревьев.

Всё это время мальчик прятался за старой деревянной скамейкой, всего в нескольких метрах от Скелетов, и жадно ловил каждый звук, каждое слово. А потом, не выдержав любопытства, бросил в них камешек. И теперь убежал.

- Гадкий утёнок не гадким оказался. – наконец заговорил Скелет-Дмитрий, решив вернуться к сказке.

- Он нашёл своих товарищей, настоящих. – добавила Скелет-Татьяна. – и это главное.

И несколько раз, Скелеты повернули металлические головы в сторону школы. Кажется, на мгновение - шум, смех и визги подростков за стенами школы отозвались в них совершенно по-другому. И кажется, где-то глубоко, за металлическими оболочками, у всех четверых, возникло что-то странное, что можно было назвать болью, - и это «странное» возникло от осознания: «Как только они, Скелеты, войдут в школу, смех притихнет, а уйдут, вновь настанет». И теперь каждый крик подростка из того здания школы за ними, - особенно радостный крик, - словно начинал бить по их металлическим головам.

А Скелет-Юлия всё ещё молчала, и уж точно не переставала прочитывать сказку. Она так и не подняла свой череп, всё ещё продолжая бесшумно гладить Черепаху-Скелета своими металлическими пальцами, и возможно, она представляла в руках, на месте черепахи-скелета, того самого гадкого утёнка.

Чуть позднее, когда солнце уже почти коснулось горизонта, окрашивая небо в нежные оттенки багрянца и золота, и когда уроки для младшеклассников подошли к концу, тот самый мальчишка – озорной, с живыми глазами – лёгкими прыжками мчался вдоль фасада научно-исследовательского института. Внезапно он заметил Ивана Ивановича. Учёный стоял у входа в институт, погружённый в созерцание заката. Его поза была спокойной, почти медитативной – будто весь мир замер для него, кроме этого мгновенного великолепия неба; и это был один из редких случаев, когда учёный позволил себе отдохнуть, расслабить голову. Мальчишка весело замедлил бег, и словно танцуя на месте, и затем, не сдержавшись, бросил учёному фразу с детской непосредственностью:

- Эти ваши роботы думают, что они – гадкие утёнки! Ахах!

Слова вылетели легко, как пёрышко, и тут же растворились в воздухе, а мальчишка расхохотался и помчался дальше. Он и не подозревал, какую бурю вызвал своими словами.

Ведь его фраза была не просто детской шуткой, она стала эхом недосказанного, отголоском того самого разговора Скелетов, который мальчик расслышал лишь фрагментами. Но в этой небрежно брошенной фразе таилась правда, и пугающе точная.

Впервые, где-то в металлических недрах Скелетов, за строками кода и гигабайтами данных, за холодной логикой алгоритмов, начала жить тень сомнения. И это чувствовала не только Скелет-Юлия, - все четверо замирали перед этим невысказанным вопросом, как перед обрывком. В тот миг Скелет-Юлия наткнулась в своей базе данных на сказку Андерсена, и текст вспыхнул в её электронных цепях, как молния. В тот момент Юлия и вздрогнула, и её кости будто пронзил электрический разряд, и она уронила Черепаху-Скелета, словно та подхватила этот импульс.

Теперь же, Иван Иванович всё стоял у научно-исследовательского института, не в силах сдвинуться с места. Его взгляд был прикован к закату, но мысли крутились вокруг услышанной фразы. И он стоял так долго, - очень долго.

2. Уравнение Татьяны

Сегодня учительница Екатерина Гусева праздновала день рождения, и в классе царил весёлая суета: дети шутили, обменивались историями, смеялись, а в коридоре позволяли себе расслабиться, превращаясь в озорных проказников, использующих праздничный день для невинных шалостей.

А потом, резко настал всплеск эмоций, когда в класс ворвался младшеклассник. Как же его глазки горели восторгом ... он держал в руках маленькую игровую приставку «Гейм Бой». Это была мечта, которую многие из ребят ещё не успели получить в подарок, - а многие и не надеялись.

В классе все замерли, широко раскрыв глаза. Их дружок, Глебушка, стоя в центре класса, с гордостью крутил приставку в руках, а голос звенел от радости:

– Это вчера папа мне купил!

Сказав это, он тут же помчался из класса, продолжая демонстративно вертеть в руке приставку, как приманку. И словно по команде, вся компания рванула за Глебушкой в коридор. Все взгляды, замороженные, были прикованы к консоли, и когда палец Глеба скользнул по заветной кнопке, ещё более замороженно их глаза уставились на то, как она включается, как мерцает экран, как оживает в руках.

Среди этой шумной толпы выделялся один мальчик – Саша. Он стоял чуть в стороне, у окна, чуть опёршись на подоконник, и одиноким взглядом он наблюдал за происходящим, и смотрел на консоль одним внимательным глазком. Его лицо не выражало эмоций, но в глубине взгляда читалась невысказанная тоска. Саша прекрасно понимал, что такая игрушка ему самому и не светит: все в школе знали, что он из бедной семьи.

Затем, Глеб вдруг заметил Сашу. И тут его взгляд стал цепким, почти хищным.

– Чё смотришь? – бросил Глебушка, и его голос потерял привычную мягкость, а маска доброжелательности слетела в одно мгновение.

Саша постарался сохранить спокойствие; его лицо не выдавало эмоций, но внутри уже бушевала буря. Он продолжал смотреть на Глеба, словно пытаясь предугадать, что произойдёт дальше.

Глеб криво и уродливо усмехнулся, и продолжил ещё громче, - так, чтобы все коридоры школы слышали:

– Чё, поиграть хочешь? Так попроси маму, пусть купит! Ха-ха!

И тут же подхватили его друзья:

– Да его мама никогда в жизни не сможет Гейм Бой купить, даже если они будут копить всю жизнь! Ха-ха-ха!

Смех разнёсся по коридору, ядовитый, как шипенье змеи. Глебушка уродливо раскрыл рот, и его глаза, ещё недавно такие милые, теперь напоминали волчьи.

А рот Саши немного приоткрылся, - он словно не верил своим ушам. В этот миг он перестал быть ребёнком. Перед Глебом стоял теперь словно взрослый человек, поражённый глубиной человеческой жестокости. В глазах Саши читались вопросы: «Неужели они это сказали? Как они могли?»

И в этот момент, как из ниоткуда, появилась Скелет-Татьяна. Она возникла рядом с Сашей так тихо, что никто не заметил её приближения. Её взгляд, её острые, как лезвие, глазницы, пронзили каждого в этой компании. Скелет-Татьяна несколько секунд неподвижно стояла и изучала их, словно сканировала души всей этой хохочущей компании, выискивая самое сокровенное, и её железные глаза остановились на Глебе – именно он, униженно и гордо, указывал пальцем на Сашу, и не просто указывал, а с удовольствием тянул её вперёд так, что со стороны казалось, - палец Глебушки удлинился втрое.

В следующий миг Скелет-Татьяна молниеносно выхватила приставку из рук Глебушки. Это произошло так быстро, что никто не успел ничего осознать. Её металлические пальцы сомкнулись на корпусе игрушки. А затем, они с хрустом разломили её пополам.

Глеб не поверил своим глазам, его челюсть отвисла. После небольшой паузы понеслось рыдание во всю мощь, - теперь все коридоры школы наполнились страшным визгом. В этот момент Екатерина Гусева вылетела в коридор, и побледнела. Глеб тут же побежал к ней. Учительница опустилась на колени, обняла мальчика, словно младенца, и принялась утешать его, хотя сама не понимала, что произошло.

– Она сломала мой ГЕЙМ БОЙЙЙ!

Глеб кричал и рыдал уже так, что охранник Прыщавый у входа школы не просто расслышал его, а пролил свой чай.

- Она сломала мой Гейм Бой! – неугомонно повторял Глеб.

Гусева подняла глаза на Скелета-Татьяну, - и тут же резко опустила их, будто не желая видеть её. В сознании женщины прочно засела мысль: любое действие Скелетов будет оправдано Козловским. Они – гордость школы, они восхитили ветеранов, они во всём правы, и значит, чтобы сейчас не произошло, - это было правильно.

Учительница лишь продолжала крепко обнимать Глебушку, гладить его, шептать что-то, пока тот не утихнет, и продолжала намеренно избегать взгляда Скелет-Татьяны, - глаза её словно пытались отречься ни только от разбитых кусочков консоли на полу коридора, а от всего вокруг.

А Скелет-Татьяна всё ещё стояла там, будто погружённая в глубокий внутренний диалог. Конечно, её металлическое лицо не выражало эмоций, но в её позе, как ни удивительно, читалась некая растерянность. Глубоко заглянув в её глазницы, можно было почувствовать, как крутятся там подобные вопросы: «Зачем я это сделала? Я что-то увидела? Я что-то почувствовала? Моя программа не предусматривала таких действий...».

Конечно, Екатерина Гусева, жалея и успокаивая Глеба, - который уже не орал, а тихо ронял последние слёзы, всё крепче прижавшись к её груди, - не знала, что в этот момент у подоконника стоял другой мальчик. Его боль была куда глубже, чем слёзы Глебушки. Это была боль, которая не утихнет за пару минут, и не исчезнет от громких рыданий. Эта боль могла остаться с ним надолго – боль от одного короткого, но жестокого слова.

А Скелет-Татьяна всё ещё не шевелилась, - застывшая в раздумьях, она всё ещё пыталась найти ответ на вопрос, который не вписывался в её программу: что же заставило её вмешаться?

Позднее, в школьном дворе, мальчик Глеб, никак не мог найти себе места. Он крутился на одном месте, будто заведённый волчок, топча носками кроссовок выцветшую траву. Его лицо было напряжённым, губы сжаты в тонкую линию – он всё ещё не мог смириться со сломанным Гейм Боем. Как он посмотрит в глаза отцу? Что скажет?

Вдруг из-за угла появилась Скелет-Татьяна. Она стала медленно приближаться к нему, при этом проверяя – нет ли никого любопытного? Её металлические шаги отдавались в тишине двора едва слышным звоном, а пустые глазницы будто впитывали все эмоции вокруг. Так она неспешно приблизилась к Глебу, и тот, увидев её в последний момент, тут же замер, как кролик перед удавом. Скелет-Татьяна встала перед ним, и произнесла:

– Мальчик, где я могу купить тебе Гейм Бой?

Глеб растерялся; его щёки вспыхнули, и он стал переводить взгляд наверх и вниз, с земли на Скелета, со Скелета на землю, не в силах поверить своим ушам. Сердечко застучало быстрее – «неужели это не сон?».

– Ээ ... «Электроника» на Пресне ... – выдавил он наконец.

И в этот момент в глазах Глеба вспыхнул целый фейерверк эмоций: удивление, надежда, и радость, - да такая яркая, что, кажется весь двор вдруг осветился.

– Поняла, – коротко ответила Скелет-Татьяна, развернулась и ушла.

Для мальчика, её уход оставил после себя ощущение нереальности происходящего.

Чуть позже, в лаборатории, Скелет-Татьяна обратилась к Иван Ивановичу, и сделала это так:

– Иван Иванович, произошла техническая ошибка. Я сломала игрушечную приставку ученика. Прошу исправить ситуацию и приобрести два Гейм Боя. Один – для пострадавшего мальчика, а второй – для ученика, который не может себе позволить эту игрушку. Восстановим социальное равенство, - это необходимо.

Иван Иванович долго смотрел на Скелета-Татьяну; прищурившись, он словно пытался прочесть что-то за словами. Секунды шли, а его лицо не выражало никаких эмоций, - только ближе к черепу Татьяны становился его кривой, тонкий нос, потому что Иваны будто пытался заглянуть за её глазницы, понять, что там ... Скелет-Татьяна же видела перед собой холодную сосредоточенность старика. Но затем, Иваныч одобрительно кивнул:

- Конечно, Танечка, молодчина! Я попрошу Кирышу. Восстановим социальное равенство!

И тогда, Скелет-Татьяна развернулась, и пошла прямо, - также прямо, как и раньше, как и должна. Но острые глаза Ивана Ивановича за очками уловили, как отдаляющаяся металлическая спина Татьяны теперь прямая, словно, от большого усердия.

Вскоре сын Иваныча, Кирилл, сел в машину и поехал в "Электронику на пресне".

Через день Глеб держал в руках новенький, сверкающий и синенький Гейм Бой. Рядом с ним стоял Саша, и у него тоже был Гейм Бой, такой же новенький и блестящий.

3. Кажется, они чувствуют ...

Скелеты – Татьяна, Юлия, Георгий и Дмитрий – устроились на старой деревянной скамейке возле школы. Вокруг – ни души: только гулкое эхо собственных голосов, да редкие крики ворон, кружащих над школьным двором. На металлических коленях Юлии восседала Черепаха-Скелет. В металлических пальцах Юлии подрагивал лист с сочинением Бориса Макарова. Скелет-Юлия была единственной, чья спина держалась не прямо, - хоть и спина была из металла. Остальные же старались сохранять прежний, безупречный вид, - но лишь старались. В какой-то момент, Скелет-Татьяна чуть наклонилась вперёд, к Юлии, и к её листам, и с тёплой иронией в голосе она произнесла:

– Ты прочитываешь его уже в третий раз, Юлия.

И её металлические губы сложились в лёгкую улыбку. Но Юлия не отрывалась. Татьяна взглянула вверх, куда-то в небо, приняла задумчивый вид, поднесла металлический пальчик к металлическому подбородку, а затем, с философской интонацией швырнула в воздух:

– Борис - он настоящий талант! Самая большая гордость нашей Дружины.

Тогда Юлия медленно провела пальцем по строкам, будто ощупывая слова, и с интересом произнесла:

– Посмотри-ка, робот начинает чувствовать себя членом семьи, работая няней и домработницей.

Она сделала паузу, задумалась, и продолжила:

– Он начинает чувствовать это, - а не знать об этом. Словно грань между машиной и живым существом стирается. Но что значит «чувствовать»? Можем ли мы, скелеты, хоть на миг приблизиться к этому состоянию?

Скелет-Дмитрий, будто чуть нахмутив невидимые брови, медленно протянул:

– Чувствовать - это не безопасно, наверняка. Представьте, мы начинаем испытывать эмоции: радость, гнев, печаль. Что, если они поглотят нас, как вирус?

Скелет-Георгий скрестил костяные руки, и когда озвучил своё предположение, по нему словно проскользнула тревога:

– Это может привести к хаосу. Представьте лабиринт чувств, где каждый поворот – это противоречие. Кто будет контролировать этот лабиринт? Мы потеряем себя в собственных эмоциях, как в зеркальной комнате без выхода.

Скелет-Татьяна, чуть покачиваясь на скамейке от желания уйти от темы, громко предложила:

– Надо бы показать сочинение Бориса нашему Иванычу. Он оценит такое талантливое произведение. Возможно, он даже найдёт в нём ключ к новым открытиям.

Но затем резко и с лёгким страхом выдавила:

– Но что, если эти открытия обернутся против нас?

Юлия вновь погрузилась в текст, её глазницы словно мерцали всё ярче, и она, смакуя каждое слово текста Бориса, вслух произнесла идею, которая не оставляла её в покое:

– Девочка привязывается к роботу, воспринимая его живым существом, и именно это приводит к оживанию робота! – Она подняла взгляд на остальных, и в её голосе прозвучала мощная искра вдохновения. – Это же гениально! Борис уловил самую суть: сила привязанности способна пробудить душу даже в безжизненной материи.

Георгий задумчиво потёр подбородок:

– А может, девочка, в свои годы, просто не понимает, что это робот? Вот потому-то и воспринимает изначально живым существом.

Татьяна с энтузиазмом воскликнула:

– Да, её любовь приводит к оживлению! Разве это не прекрасно? Мир становится ярче, когда в нём есть место чуду!

Дмитрий, чуть скривив рот, возразил:

– Не любовь, а привязанность. У ребёнка не может быть любви – это серьёзное чувство, требующее глубины и самопожертвования. Оно отражено в величайших произведениях искусства, а не в детских играх.

Юлия резко повернулась к нему, и её голос зазвучал с неожиданной страстью:

– Откуда ты знаешь? – словно рассердилась она. – Любовь, возможно, не знает возраста. Это не биологический процесс, а нечто большее – искра, способная зажечь целый мир!

В этот момент, когда спор Скелетов стал слишком громким, и они ненадолго забыли, где сидят, – мимо скамейки демонстративно прошагали пятеро школьников. Сразу же Скелеты резко прекратили разговор и утихли, и даже металлическая спина Юлии наконец выпрямилась. Чёрные глазницы как-то умоляюще устали на проходящую компанию. А те громко переговаривались, и при этом нарочито не замечая скелетов, – которые, со стороны, так одиноко сидели на этой скамейке, словно лишние экспонаты. Лица проходящих мимо подростков выражали лёгкое раздражение, будто сама необходимость пересечься с металлическими созданиями была для них невыносимой задачей. Но они смеялись, бросали короткие фразы, а их взгляды упорно скользили мимо, словно скелетов здесь просто не существовало. Черепа Скелетов молча двигались вслед за проходящими мимо подростками, – на вид весёлые ребята, они шли так, будто сейчас наступят на металлическую ногу Скелета и даже не заметят этого. Скелеты до последнего момента словно ожидали от них хоть капли реакции, – но нет, те на них и взгляда не бросили. И четверым металлическим созданиям показалось, что только что по ним с хохотом прошли, как по верх пустых жестяных валяющихся на асфальте банок.

Скелеты некоторое время не отрывали своих костяных взглядов от отдаляющихся спин, – эти спины насмехались и были живее, чем глазницы Скелетов. За этот короткий миг в Скелетах, где-то глубоко-глубоко за алгоритмами, словно перевернулись целые миры.

Скелет-Юлия, проследив за удаляющейся группой до самого конца, тихо произнесла:

– Это равнодушие! Оно страшнее любой ненависти. Равнодушие – это чёрная дыра, которая поглощает всё вокруг, не оставляя ни следа.

Скелет-Дмитрий, чуть наклонившись вперёд, возразил:

– Это ненависть, замаскированная под безразличие. Они боятся нас, потому что не понимают. Страх всегда порождает отторжение.

Скелет-Георгий задумчиво добавил:

– А может, они просто не видят нас? Не в физическом смысле, а в глубинном. Мы для них – нечто чуждое, как тени на стене, не заслуживающие внимания.

И Скелет-Татьяна, тоже в свою очередь чуть склонив череп, произнесла:

– Мы сами выбрали этот путь – стать наблюдателями, а не участниками. Мы храним знания, но теряем связь с жизнью. Мы видим, но не чувствуем. Мы анализируем, но не живём.

В воздухе повисла странная, почти осязаемая тишина. Скелеты смотрели на удаляющихся школьников, которые уже были далеко-далеко, как еле рассматриваемые точки. И кажется, в Скелетах уже читалась целая гамма эмоций – от лёгкой обиды до глубокого философского раздумья. А Юлия всё ещё не отрывала взгляда от сочинения Макарова, будто именно в этих строках искала ответ на вечную загадку человеческого сердца.

Внезапно солнечный луч, пробившийся сквозь облака, лёг на сочинение, высветив одну-единственную строку: «И в этом молчании родилась новая жизнь». Свет словно застыл на бумаге, превращая слова в мерцающий символ. Юлия медленно убрала металлический палец с поверхности листа, и так осторожно, будто лист вдруг начал разгораться. Четверо Скелетов смотрели на световой лучик, который будто намеренно выхватил строку, и теперь они ощутили волнение и страх, и впервые их металлические конечности начали подрагивать. А затем, Черепаха-Скелет, до этого мгновения мирно и неподвижно водрузившаяся на коленях Юлии, вдруг активно начала шевелиться, - и начала шевелиться необычно, будто всеми силами стала устремляться к листу, к той самой светлой строке. Глазницы Скелетов с тихой заворожённостью увидели, как конечность Черепахи коснулась листа, - но Черепаха на этом не остановилась, она старалась доползти до строчки, и так, словно сама строка притягивала её. Скелет-Юлия не мешала ей, - желание, старание и стремление Черепахи будто светили через металлический панцирь. И она ползла, и её металлические лапы то неуклюже скользили по листу, то словно собираясь с силами, преодолевали путь дальше.

Скелеты переглянулись, - и в этом безмолвном обмене взглядами было больше слов, чем во всех книгах мира.

4. Словно проснулась сама

Поздним вечером, сотрудница Алла Перфилова была взвинчена до предела, - она громко ругалась с коллегой Антоном. Спор двух близких друзей и коллег разгорелся из-за пустяка – забытого пароля от компьютерной программы. Теперь их резкие реплики уже петардами взрывались по коридорам института. В самый разгар громких взаимных обвинений мимо них прошёл уборщик-узбек, - он прошёл спокойно, будто проплыл. Обычно неугомонный и весёлый Азамат всегда был душой научно-исследовательского института, - обожал делиться историями о далёком Ташкенте, о семье, о простых радостях жизни. Проходя мимо спорщиков, он лишь злобно взглянул на Антона. Сердце уборщика Азамата тут же подлетело на сторону Аллы – он не выносил, когда повышали голос на женщин. Затем, раздражённо отвернувшись, Азамат пробурчал себе под нос с характерным акцентом: – Кооззёёёлл!

Антон, не желая уступать, вскоре не выдержал и демонстративно вышел из здания; он прижимал телефон к уху, изображая важный разговор с другом. Уборщик уже собирался подойти к Алле, чтобы утешить её, как вдруг из лаборатории показался Иван Иванович.

Учёный выглядел неважно: он не поднимал глаз, а рукой судорожно держался за живот, будто пытаясь унять боль. Азамат сразу насторожился:

– Иван Иванович, опять плохо а? Что плохо, скажи?

Иван Иванович, как всегда, попытался не подавать виду:

– Хорошо всё, Азамат, – быстро отрезал он.

Уборщик не унимался:

– Что значит хорошо? Я же вижу всё. Опять сердечко шалит? Совсем уже с этими Скелетами-Роботами намучились, за здоровьем не следите, в вашем возрасте, ну сколько можно а?

Иван Иванович, не желая продолжать разговор, поспешно снял халат, накинул лёгкую куртку и быстро вышел, бросив на прощание: – Скелеты уже отключены.

Азамат лишь удручённо покачал головой, провожая учёного взволнованным взглядом, а затем и сам ушёл, посмотрев на Аллу и почувствовав, что женщине нужно побыть одной.

И Алла осталась одна. Она заварила себе кофе, пытаясь унять внутреннюю дрожь, пока мысли безостановочно крутились вокруг ссоры с Антоном. «Из-за какой-то ерунды. Кто забыл пароль? Неужели это стоит таких нервов?» – мысленно ругала она себя. Но постепенно, в тишине большого пространства института, напряжение отступало, уступая место простой спокойной усталости. Алла сделала несколько глотков кофе, а её уши всё острее прислушивались к тишине. И вдруг она что-то услышала. Нет, это были не шаги Азамата. Это приоткрылась дверь, – но та дверь, которая не могла приоткрыться ... Тут же Алла невольно затаила дыхание, ведь кажется, приоткрылась именно дверь лаборатории. А может просто послышалось?

Но Алла уже замерла, всерьёз вслушиваясь в тишину, и сама не понимая, почему сердце вдруг ушло в пятки. Перенапряжение? Каждый шорох теперь казался угрожающим, каждый звук – предвестником чего-то недоброго. Она тут же мысленно отругала себя за излишнюю тревожность, но тревога не уходила. «Может, просто сквозняк? Или Иван Иванович забыл закрыть дверь?» – пыталась она успокоить себя. Но в голове всплыла мысль: «Иваныч всегда закрывает окно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.